

Религиозные и научные попытки опровергнуть права животных

Для многих американцев идея включения животных в сообщество морально равных является неосуществимой. Несомненно, мы никогда не должны быть по садистски жестокими по отношению к животным. Несомненно, мы должны поощрять доброту по отношению к ним. Но дальше общественное мнение не идет. Мы не делаем ничего неправильного, когда едим их, носим их шкуры или кожи, охотимся и ловим их в ловушку для отдыха или прибыли, обучаем их исполнять трюки, которые мы находим забавными, показываем их в зверинцах или аквариумах, или используем как инструменты в образовании, испытании продукции и медицинских исследованиях. Конечно, использование человеческих существ этими способами было бы неправильным, но ничто из этого не является неправильным в случае с животными. Люди все являются членами морального сообщества; другие животные, поскольку они являются низшими и таким образом неравными нам - нет. Существует уже большой объем философской и юридической литературы, посвященной дебатам о правах животных.

Для большинства христиан, библейское основание для исключения негуманоидных животных находится в ней в рассказе Книги Бытия о действиях Бога на шестой день творения, так и в благословении Богом Ноя и его сыновей после потопа. Здесь сначала приводится описание шестого дня. «И Бог сказал: "Пусть земля порождает живые существа согласно их виду: рогатый скот и ползающие тварей и зверей земли согласно их виду". И было так.

Бог создал людей по его собственному образу, по образу Бога. И Бог благословил, и Бог сказал им: "Плодитесь и размножайтесь и заполняйте землю и подчиняйте ее; и властвуйте над рыбой моря и над птицами воздуха и над каждым живым существом, которое движется по земле".... И Бог увидел все, что он сделал, и созерцал, это было очень хорошо. (Книга Бытия 1:24-28, 31a) Относительно благословения Бога мы читаем следующее:

И Бог благословил Ноя и его сыновей и сказал им: "Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю. Страх перед вами и ужас должен испытывать каждый зверь земли и каждая птица в воздухе, все, что ползает по земле, и вся рыба в море; в ваши руки они передаются. Каждое живое существо, которое живет, должно быть продовольствием для вас; и как я дал вам зеленые растения, я даю вам все. Только вы не должны есть жизнь с ее жизнью, то есть ее кровью" (Книга Бытия 9:1-4).

Эта последняя выборка из Книги Бытия касается того, что Бог дает нам, чтобы есть. Сообщение кажется ясным: это не только "зеленые растения", не только наши "овощи"; это - "все". В своих «Комментариях к первой книге Моисея под названием Книга Бытия», Джон Кэлвин выступает в пользу доминирующего христианского представления, когда он настаивает, что " Мы должны твердо сохранить свободу, данную нам Богом. ... Потому что это непреодолимая тирания, когда Бог, Создатель всех вещей положил открытой для нас землю и воздух, чтобы мы могли оттуда брать продовольствие как из его склада, если это будет закрыто от нас смертным человеком, который даже не способен создать улитку или муху ".

"Смертный человек", которого Кэлвин имеет ввиду, тот, который осуществлял бы "непреодолимую тиранию", запрещая некоторые продукты, которые Бог дал нам, это вегетарианец. "Я утверждаю", - заявляет Кэлвин, - "что чудовищное оскорбление наносится Богу, когда мы даем такое право людям, то есть (вегетарианцам) позволить им объявлять незаконным то, что Бог задумал как законное, и связывать сознание, которое слово Бога сделало свободным, их надуманными законами". В случае с экспериментами на животных Кеннон Джон Маккарти говорит в пользу доминирующего христианского представления:

"Эксперименты на живых животных, даже при том, что они могут переносить серьезную боль в процессе, являются законными в той степени, в какой это необходимо для подлинно научной цели, которая может приносить пользу человечеству. Будет незаконным причинять любое ненужное страдание животным либо в ходе экспериментов вивисекции или иначе.... Фактическим вопросом является то, причиняется ли ненужное страдание иногда в экспериментах вивисекции. Могут действительно быть такие злоупотребления. Если так, то они прискорбны и должны быть искоренены. Но мы не можем осуждать вивисекцию в целом из-за злоупотреблений, случайно связанных с ней".

Почему нам запрещают осудить вивисекцию в целом? Кэлвин и Маккарти отвечают, напоминая своим читателям, что "согласно Божественному замыслу животные созданы для того, чтобы служить человеческим нуждам". Что касается охоты, пастор Уильям Х. Аммон, руководитель Спортсменов за Христа, пишет: "Не трудно знать то, чего ожидает Бог, если Вы знаете вашу Библию. Библия никогда не изменяется, потому что Бог никогда не изменяется. То, что Он ненавидел тысячи лет назад, Он ненавидит сегодня. Что Он любил тогда, Он любит теперь. Это конечно делает вещи более легкими для нас, не так ли?".

В конкретном случае с охотой пастор Аммон верит, что он знает мнение Бога. "Отношение Бога к охоте не изменилось", - настаивает он. "Я могу прочитать, как Он реагировал в прошлом, и знаю, что все это по-прежнему остается истинным сегодня. Я знаю, что Бог устроил этот мир так, чтобы человек мог поддерживать свою жизнь, когда Он наполняет землю. Убивал ли человек жертвенное животное или дичь, которую Бог дал в поле, это все было частью системы Бога. Нет никаких лозунгов против охоты в Библии". По поводу тех христианских охотников, которые добиваются успеха и "промышляют дичь" Аммон отмечает:

"Следует высказать поздравления: Мы знаем, что они сделали так, потому что они умели обращаться со своим оружием, своей плотью и своим духом. Они были честными, они играли

по правилам и молились по правилам; их победа - это победа преобладающей веры. Дома мама и дети взволнованы, потому что папа отправился с Богом на охоту".

Широко распространенная вера нашей культуры в более низкое положение негуманоидных животных и их исключение из сообщества морально равных не испытывала недостатка в ученых, желающих предложить свою поддержку от имени науки тому, что религиозные люди принимали на веру как откровение. Эта научная защита приняла две формы. С одной стороны легионы ученых предлагали доказательства более низкого интеллектуального и мыслительного положения негуманоидных животных по сравнению с людьми. С другой стороны люди, которые поднимали свои голоса в пользу равенства людей и животных, подвергались поношению с переходом на личности; некоторые ученые даже зашли настолько далеко, чтобы утверждать, что люди, которые глубоко заботятся о том, каким образом обращаются с животными, являются умственно больными. Я возвращусь к этой второй форме защиты ниже. Вначале, тем не менее, существует вопрос интеллекта животных или его отсутствия. Эта вера имеет глубокие корни в греческом мышлении. Когда Аристотель определял человека как «рациональное животное», стоящее выше всех других животных в иерархии ценности, он повторял идеи своего учителя Платона, также как Платон повторял идеи своих предшественников. Некоторые ученые, следуя Декарту, пошли дальше: они отрицали не только то, что животные являются рациональными или интеллектуальными, но также и то, что животные осознают что-либо, включая боль: "Сжигайте, топите, морите голодом или делайте рассечение животного без благ анестезии, и результат всегда и всюду будет один и тот же: животное ничего не осознает". Это было удобной верой для ученых- картезианцев семнадцатого века, так как это освобождало их от любых моральных колебаний, когда они подвергали вивисекции животных. Николас Фонтейн предлагает описание действий французских вивисекторов под влиянием Декарта в Порт Рояль:

"Картезианские ученые осуществляли избиения собак с совершенным безразличием и высмеивали тех, кто жалел эти существа, как будто те чувствовали боль. Они рассказывали, что животных били часами, что вопли, которые они издавали, когда их били, были только шумом небольшой пружины, к которой прикоснулись, но что все тело не испытывало чувств. Они прибивали гвоздями бедных животных к доскам всеми четырьмя лапами, чтобы подвергнуть их вивисекции для того, чтобы увидеть кровообращение, которое представляло собой большой предмет противоречий". Ученые- картезианцы явно не рассматривали негуманоидных животных как имеющих моральный статус, равный нашему собственному. Что интересно, даже сегодня некоторые уважаемые ученые активно придерживаются этого аспекта картезианства. Роберт Дж. Уайт, профессор хирургии в Университете Кейс Вестерн Резерв, чье исследование включало попытки трансплантации мозга от одного примата другому, заявляет, что "включение более низших животных в нашу этическую систему является философски бессмысленным".

Не будучи человеком, который легко меняет свои основные убеждения, профессор Уайт, на сей раз пишущий в «Отчете Центра Гастингса», который включал специальное приложение по этическим вопросам, имеющим отношение к исследованиям на негуманоидных животных, вновь подтверждает свое неодобрение: "Я чрезвычайно разочарован в этой конкретной серии статей, которые, честно говоря, не имеют никакого права быть

опубликованными как часть «Отчета». Использование животных не является моральной или этической проблемой, и подъем проблемы прав животных на такой уровень представляет собой плохую услугу медицинскому исследованию, и фермерству, и молочной промышленности ".

Уайт едва ли является единственным среди престижных исследователей, кто не рассматривал права животных как моральную или этическую проблему. Нобелевский лауреат Дэвид Балтимор был в числе группы ученых, которые приняли участие в обсуждении документального фильма Фреда Ваймана 1974 года «Приматы», как и гарвардский моральный философ Роберт Нозик. Во время обсуждения, озаглавленного «Цена знания», которое вышло в эфир 12 сентября 1975 года, Нозик заявляет, что "животные, используемые в исследовании, имеют какое-то значение сами по себе"; и затем задает вопрос Балтимору, не думает ли он, что изоляция, боль и смерть, которые животные испытывают в лабораториях, имеют "моральную цену".

Балтимор: Ну, я думаю, что ответил бы отрицательно. Беснаказанное убийство животных происходило в течение столетий: охота, такого рода вещи.

Нозик: Но мы осудили бы это, не так ли?... Слышали ли мы, чтобы люди говорили, что эти эксперименты, которые могут быть сделаны на животных, и ... хотя мы узнаем кое-что, этого не будет достаточно, чтобы оправдать убийство ... пятисот животных? Происходило ли такое когда-либо в научном сообществе.

Балтимор: я не думаю, что это действительно моральный вопрос."

Ранняя Америка не оказалась плодородной почвой для картезианства. Первое в мире законодательство по защите животных восходит к "Книге свобод", принятой Колонией Массачусетс в 1641 году. Раздел 91 гласит: «Чтобы ни один человек не осуществлял какую-либо тиранию или жестокость по отношению к любым животным, которые обычно содержатся для использования человеком» Для Америки, включая американских ученых, центральный исторический вопрос состоял не в том, могут ли животные чувствовать боль, но в том, как люди могут быть оправданы в причинении ее. В конкретном случае экспериментов на животных некоторые ученые предлагали оправдания, основанные на внутренней ценности полученного знания. Оправдание этого типа, однако, вызывает очевидный ответ: если полученное знание оправдывает боль, вызванную ее получением, то знание, полученное от исследования на человеческих субъектах, также кажется оправданным.

Некоторые ученые были согласны принять этот вывод. Американский химик двадцатого столетия Е.Е. Слоссон пишет, что "человеческая жизнь ничто по сравнению с новым фактом ..., целью науки является прогресс человеческого знания за счет любых жертв человеческой жизни"

Другие критики выбрали иной путь. Даже при том, что люди и животные могут отличаться в том, что они могут делать, эти критики отрицают, что различия имеют отношение к морали. В конце концов, мы не принимаем предпосылку, что мы можем есть или подвергать

вивисекции людей, которые неспособны использовать инструменты, участвовать в приобретении знания и т.п. Именно вопрос предвзятости, а не рационального принципа, - утверждают эти критики, - объясняет, почему негуманоидные животные исключены из сообщества морально равных. Такой вызов является неудобным для многих людей, кто имеет законный интерес в сохранении морального статус-кво. Это, оказывается, особенно истинным в отношении ученых со связями с сельскохозяйственными, охотничьими проблемами. Это арены, где многие ученые прибегали ко второй форме защиты, упомянутой ранее: нападениям с переходом на личности. Как верно в отношении движения в защиту прав животных и сегодня, женские голоса составляли большинство голосов, раздававшихся против вивисекции в течение девятнадцатого столетия. Неудивительно, учитывая тогдашнюю доминирующую идеологию двух сфер, что эти женщины характеризовались как "глупые, сбившиеся с пути женщины", "рой гудящих бездельников" и критиковались за неспособность выполнять свои обязанности дома из-за их чрезмерной "сентиментальности". Что могло бы объяснить, почему так много женщин "постоянно вопят" против исследователей, которые посвящают свои жизни обнаружению "скрытых даров лечения" в природе? Французский физиолог Эли де Срюн ДАЛ ответ. "Необходимо повторить, что женщины - а скорее старые девы, формируют наиболее многочисленный контингент (наших критиков). Пусть мои противники возразят мне, если они смогут показать мне среди защитников животных одну девушку, богатую, красивую и любимую или некую молодую жену. Язык Эли де Срюна, хотя и несомненно оскорбительный, имеет много общего с риторикой высмеивания, которую многие ученые практикуют сегодня. Люди, которые против исключения негуманоидных животных из морального сообщества, подвергаются регулярным нападкам как "невежественные", "эмоциональные", "алогичные", "иррациональные", "антинаучные", и "антигуманные". Все вместе они представлены как "фанатики", "экстремисты" и "террористы". Публичные выражения сомнений в их умственной способности не являются необычными, как иллюстрирует следующий отрывок, снова из нейрохирурга Роберта Дж. Уайта: "Как" обеспокоенный ученый и практикующий нейрохирург, я просто неспособен достигнуть глубин философии, которая придает такую высокую ценность жизни животных даже за счет человеческого существования и усовершенствования. Может показаться, что эта озабоченность предполагаемой болью и страданием животных, используемых в медицинском исследовании, может вполне представлять социальное предубеждение против лекарства или, что более серьезно, подлинные психиатрические отклонения".

Уайт ни первый, ни последний ученый, который выражает сомнения в психологической адекватности критиков вивисекции. Автор эссе 1909 года в журнале «Сайнс» написал, что поскольку "антагонизм по отношению к вивисекции представляет собой форму неизлечимого безумия, те, кто страдает им, полностью безразличны к аргументам или фактам, и их бредовые убеждения непреодолимо подталкивают их к постоянному повторению одних и тех же безумных действий". Другими словами, противники вивисекции страдают формой одержимого безумия. К такому диагнозу пришел американский невропатолог Чарльз Лумис Дана. Он даже дал недавно обнаруженному психозу название зоофил-психоз (буквально психоз "любви к животным"). Открытие Даны было провозглашено в «Нью-Йорк Таймс» "Страсть к животным действительно болезнь", - трубил заголовок. Пациенты Даны включали "человека, который не любил видеть, как лошадей "взнуздывают, или хлещут, или обрезают хвост, или быстро гонят" и женщину, которая "не

могла переносить, когда кот страдает. Она сделала свой дом больницей для беспризорных котов ... Жизнь [ее мужа] была сделана крайне несчастной из-за этого. Медикализация Даной глубоко испытываемой эмпатии к страданиям животных как психотического расстройства была с энтузиазмом принята сообществом вивисекции. Как отмечает современный американский историк Крейт Бёттингер: "Дана утверждал, что чувства противников вивисекции проистекали от недостатков женского ума и умственного расстройства у некоторых мужчин. Для сторонников вивисекции его диагноз был предпочтительным способом характеризовать оппозицию". Кроме того, как продолжает отмечать Бёттингер, идеология безумия Даны дожила даже до 1960-х годов, когда американский ученый Кларенс Деннис высказал свои возражения против принятия Акта о благополучии животных 1966 года, повторяя обвинение в зоофил-психозе против сторонников акта. Власть, которую доминирующая культура осуществляет над нашей способностью мыслить независимо, велика; наше желание мыслить самостоятельно – мало. Возможно, я бы находился среди большинства и защищал до последнего вздоха божественно освященные и научно подтвержденные основания, что белые должны иметь больше прав, чем негры. Кто может сказать, что любой из нас думал бы и делал бы во времена и при обстоятельствах, которые в каких-то отношениях отличаются от существующих?

Реакция нашего профессорско-преподавательского состава и административного персонала по мере того, как права животных привлекают все большую общественную поддержку, в последнее время стала гораздо более уважительной, чем в тот период, когда эта глава не была написана. Моя надежда состоит в том, что будущее будет больше похоже на настоящее, чем на прошлое. В то время как философы, которые защищают какое-либо дело, должны быть толстокожими, враждебность и злоба, с которой они сталкиваются, могут быстро уйти в тень нападок на моральную философию вообще. Становясь защитниками идей, о которых они теоретизируют, моральные философы делают большее, чем рискуют своим собственным добрым именем и спокойствием духа; они также подвергают опасности репутацию своей профессии. Являются ли эти причины достаточно вескими для моральных философов, чтобы удовольствоваться попыткой понять мир, оставляя другим задачу его изменения? Я утверждаю, что нет. Моральные философы, подобно другим заинтересованным гражданам, должны быть готовы вынести силу своих убеждений из своих кабинетов на улицы.

Версия #1

Зверобой создал 21 апреля 2025 03:33:09

Зверобой обновил 21 апреля 2025 03:33:24